

Глава 13

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ

Создание Петроградского Совета. — Борьба между Советом и Думой за руководство солдатской массой. — Приказ № 1.

§ 1. Создание Петроградского Совета.

На третий день уличных демонстраций в Петрограде, в субботу 25 февраля, Союз петроградских рабочих кооперативов, который действовал заодно с социал-демократической фракцией Думы, назначил собрание в главном управлении Союза на Невском проспекте, чтобы обсудить положение. Среди присутствующих были Чхеидзе, еще кое-кто из представителей рабочего движения и несколько служащих Союза кооперативов — всего человек 30–35. Обсудив положение, они решили созвать Совет рабочих депутатов, по образцу Петербургского Совета 1905 года. Выборы на заводах должны были быть организованы рабочими кооперативами и кассами взаимопомощи.

В этой первой попытке организовать Петроградский Совет большевики, как будто, не играли никакой роли. Инициатива выборов и организация их исходила от меньшевиков, которые были тесно связаны с рабочими группами военно-промышленных комитетов. Сразу же после собрания 25 февраля, пока некоторые из присутствовавших отправились в городскую Думу, где в то время обсуждался вопрос о продовольственном снабжении Петрограда, другие пошли на митинг в помещение рабочей группы военно-промышленного комитета. Управление было все еще открыто, хотя в конце января большинство членов рабочей группы арестовали. За зданием несомненно следили — едва участники собрания в Союзе кооперативов пришли туда, как нагрянула полиция и всех присутствовавших отправили в тюрьму. Это был один из пунктов приказа Протопопова, который предусматривал также арест членов петроградского комитета большевиков. Таким образом первая попытка назначить выборы в Совет окончилась ничем.

Однако, когда 27 февраля выяснилось, что восстала часть гарнизона, в Таврическом дворце собралась группа левых интеллигентов, которая убедила лидеров думских социал-демократов Чхеидзе и Скобелева попросить председателя Думы, чтобы тот выделил одну из зал дворца для заседаний их политических единомышленников. Вскоре, по мере развития событий дня, этот зал превратился в главный штаб революции. Во второй половине дня явились, во главе с Гвоздевым, представители рабочих групп военно-промышленного комитета, которых толпа

освободила из Крестов. Это собрание превратилось во «Временный Исполнительный Комитет Петроградского Совета рабочих депутатов». Комитет обратился к заводам с призывом немедленно выбирать депутатов в Петроградский Совет. Избирался один делегат от тысячи, или один делегат от завода, на котором работало менее тысячи рабочих. Части, «присоединившиеся к народу», тоже должны были прислать делегатов — по одному от каждой роты. Не дожидаясь утверждения Исполнительного Комитета будущего Совета, от имени собравшихся в комнате № 13, попросили полковника Мстиславского-Масловского, работавшего библиотекарем в Академии Генерального штаба, явиться и организовать «штаб революции».

Предложение прислать делегатов в Петроградский Совет, видимо, дошло до некоторых заводов, и к 9 часам вечера несколько самозванных делегатов явилось в Таврический дворец. Некоторые из них могли представить письменные «верительные грамоты», другие представлялись устно. Никто не мог проверить, где, кем и как эти рабочие были выбраны на своих заводах, тем более, что все заводы бастовали и большинство рабочих было на улицах.

Никто не пересчитал явившихся делегатов. Полуофициальный отчет о событиях 27 февраля, опубликованный через полгода в «Известиях»¹, сообщает о 125–150 делегатах, явившихся, когда первое заседание Петроградского Совета было объявлено открытым, а правый эсер Зензинов и Суханов упоминают о 250.²

Собрание открыл Чхеидзе, но вскоре председательское место занял кто-то другой (по словам Суханова — Скобелев, по словам Зензинова — Н.Д. Соколов). Как и все, что происходило в этот лихорадочный день, заседание шло хаотично. Обсуждали положение с продовольственным снабжением, оборону революционной столицы от возможных попыток Царского режима восстановить свою власть, причем обсуждения прерывались чувствительными излияниями представителей воинских частей, решивших примкнуть к революции. Тем не менее, собрание выбрало президиум в составе депутатов Думы Чхеидзе, Керенского и Скобелева. Присяжный поверенный Н.Д. Соколов, Гвоздев, председатель рабочей группы военно-промышленного комитета, Гриневич и рабочий Панков были выбраны секретарями Совета. Этот президиум образовал ядро будущего Исполнительного Комитета Петроградского Совета, в которые кооптировали Суханова, Стеклова, лидера рабочего кооператива Капелинского, социал-демократа адвоката Красикова (Павловича), большевика-подпольщика Шляпникова и Залуцкого. Эсеры были представлены адвокатом Соколовским и Александровичем — левым членом партии с довольно пестрым прошлым (и будущим), работавшим в подполье под именем Пьер Ораж.³

Этот Исполнительный Комитет, почти тождественный первому «временному» Исполнительному Комитету, созывавшему Петроградский Совет, вряд ли можно считать чем-либо иным, кроме как самозваной организацией. Первое заседание Петроградского Совета не представляло никакой рабочей организации Петрограда, поэтому сомнительны были полномочия Исполнительного Комитета, избранного этим заседанием. Базу Петроградского Совета должна была расширить на другой день присылка делегатов от всех социалистических партий, но и это не меняло его самозваного характера. Потому что неясно было, в какой степени партийные комитеты могут рассчитывать на поддержку петроградских рабочих.

Помимо выборов, или, скорее, утверждения уже существующего Исполнительного Комитета, собрание занялось ночью выборами комиссии по продовольственному снабжению во главе с экономистом Громаном и его помощником Франкорусским, военной комиссии во главе с Мстиславским-Масловским и Филипповским, а также редакционной комиссии, которая должна была заниматься публикациями Совета и в которую вошли Стеклов и др.

Собрание выпустило также призыв к населению, предупреждающий об опасности грабежей и поджогов, сведения о которых стали доходить до Таврического дворца.

Петроградский Совет и Исполнительный Комитет были учреждены за несколько часов до того, как Временный Комитет Думы решил взять власть в свои руки. Пока члены Думы гадали, существует ли еще царское правительство и стали ли они в силу обстоятельств его преемниками, группа самозванных революционеров, самовольно явившихся в Думу, объявила себя центром народного движения и создала комитет, смело названный ими «штабом революции». Мало значения придавалось тому, что у этого штаба нет никакого войска и что никто не знает даже, какие части восстали, а какие все еще подчиняются генералу Хабалову и военному министру Беляеву. Это было так же несущественно, как и то, кем были направлены в Совет делегаты и кто выбрал Исполнительный Комитет Совета. Главное — был создан центр, в котором мятежники с красными бантами могли надрываться насчет готовности биться «до последней капли крови» и умереть за революцию. В Думу они пойти не могли, потому что там их попросили бы соблюдать дисциплину, вернуться в казармы и повиноваться офицерам. Даже 28 февраля и 1 марта Родзянко, обращаясь к солдатам, толпившимся в залах Таврического дворца, называл их «братцами» (а не товарищами) и советовал не слушать тех, кто внушает им, будто они взбунтовались. Он не считал их мятежниками, для него они были патриоты, требующие дельного правительства во имя спасения

горячо любимой родины. Однако в помещениях Совета тех же солдат встречали как борцов за свободу, которые решительным переходом на сторону восставшего народа смыли позор 1905 года — тогда они помогли царской гвардии раздавить революцию.

§ 2. Борьба между Советом и Думой за руководство солдатской массой.

В этом мутном водовороте патриотических и революционных словопрений между Исполнительным Комитетом Совета и зарождающимся Временным правительством началась борьба за солдатскую массу. Обе стороны прекрасно сознавали необходимость предпринять что-то для организации мятежников петроградского гарнизона. Для этого нужно было найти офицеров, которые будут командовать солдатами, если возникнет необходимость защищать Петроград от попыток подавить восстание с помощью присланных с фронта частей. Военная комиссия Исполнительного Комитета во главе с Мстиславским-Масловским и Филипповским ясно это сознавала. Впрочем, они понимали также, что если брожение не утихает, то причиной тому чувство вины и страх возмездия. Тут могло помочь только прямое заявление, что мятеж 27–28 февраля — это патриотический революционный подвиг, который заслужит благодарность будущих поколений русских людей и всего человечества. Отсюда излишества стиля в некоторых прокламациях Совета, отсюда надрывные солдатские речи в зале № 12 Таврического дворца, отсюда цепкое влияние Исполнительного Комитета, который иначе вряд ли представлял бы что-то в глазах солдат. Для них интеллигенты из Исполнительного Комитета Совета были так же чужды, как благовоспитанные члены Комитета Думы — первые, по крайней мере, объявили себя революционерами и явно рисковали быть повешенными на одной с ними виселице. По солдатскому разумению, было меньше шансов, что члены Исполнительного Комитета предадут их и каким-либо ловким маневром отомстят за мятеж и убийство нескольких офицеров.

Разумеется, у членов Временного Комитета Думы ничего такого не было на уме и в помине. Революционные эксцессы, в которых были замешаны некоторые части, можно было легко объяснить и извинить как проявление народного возмущения против «злоупотреблений царского правительства», и виновники, конечно, не понесли бы никакого наказания. Но Комитет Думы, так же, как и Временное правительство, сформированное под его эгидой, все еще не хотел признавать себя революционным центром. Поняв, что царское правительство, которое, как они говорили, привело страну «на край пропасти», отменено и сметено с лица земли, думские либералы стали

стремиться к тому, чтобы остановить солдатский бунт, особенно после того, как многие офицеры заявили о своей верности Комитету Думы. Поэтому они уговаривали солдат вернуться в казармы и стать под команду верных Думе офицеров.

Оба лагеря очень быстро поняли, что разницей может привести к непоправимому провалу переговоров с гарнизоном. Поэтому вечером 27-го, когда в залу № 12 уже набились депутаты Совета и военная комиссия Мстиславского оказалась стиснутой солдатской толпой, Мстиславский с радостью принял предложение Совета перенести заседание комиссии в комнаты 41 и 42, рядом с кабинетом исполняющего обязанности председателя Думы — Некрасова. Это была часть дворца, принадлежащая Думе, тишина и торжественность составляли здесь резкий контраст с суматохой Совета. Здесь Мстиславский встретился с Керенским и Некрасовым, и оба, видимо, одобрили его действия. Помощник Мстиславского Филипповский принял на себя обязанности коменданта мятежных частей. Мстиславский вспоминает трудности, с которыми профессиональные революционеры вроде него сталкивались в попытках революционизировать «массы». Он, например, захватил несколько пулеметов, которыми нельзя было пользоваться, предварительно их как следует не смазав, и приказал одному молодому человеку пойти в аптеку и принести весь имеющийся там вазелин. Молодой человек сказал вернувшись, что слишком поздно, аптеки все закрыты. Негодование Мстиславского по поводу такого отсутствия революционной инициативы трудно описать⁴.

Ровно в полночь с 27 на 28 февраля (как пишет Мстиславский, который, если ему верить, был тогда единственным в Таврическом дворце человеком, знающим, который час) в комнате № 41 неожиданно появился председатель Думы Родзянко. Он только что решил все взять в свои руки и возглавить революционное движение, которое еще так недавно ему не хотелось признавать существующим. Родзянко сказал, что военным комендантом Петрограда назначается член Думы Энгельгардт, который и возглавит штаб революции. Пока Родзянко говорил, к членам военной комиссии Совета подошел присяжный поверенный Н.Д. Соколов, сразу заподозривший, что Комитет Думы решил лишить Совет его только что обретенной власти. Между Родзянко и Соколовым вспыхнул ожесточенный спор. Соколов кричал: «Центр уже создан, он уже действует, найдены нужные люди... причем тут Энгельгардт? ... Нам не нужны люди, назначенные “верховой ассамблеей”, нам нужны революционеры!» Родзянко отвечал, стуча кулаком по столу: «Нет, господа! Уж если вы заставили нас вмешаться в это дело, так будьте добры повиноваться!» По словам Мстиславского, был момент, когда казалось, что они пустят в ход кулаки.

Мы должны учесть чисто русскую склонность автора этих воспоминаний к драматическим эффектам. Но фактом остается то, что первой попытке революционной интеллигенции подчинить себе мятежников петроградского гарнизона помешало запоздалое вмешательство Комитета Думы, который создал свою собственную военную комиссию, объединил с ней военную комиссию Совета и тем нейтрализовал революционный пыл последней. Следует заметить, что это было сделано при яростной оппозиции Соколова. Мстиславский и Филипповский держались примирительно, убеждали Соколова согласиться на назначение Энгельгардта и готовы были работать в объединенной комиссии. Соколов непримиримо удалился на половину дворца, занятую Советом.

Готовность Совета сотрудничать с Комитетом Думы понятна. На солдат, — которые ходили по улицам, громили дома, поджигали полицейские участки и правительственные здания, зря расходуя боеприпасы в бессмысленной стрельбе в воздух, — нельзя было положиться как на оплот революции, если с фронта пришлют надежные части. Необходимы были сплоченность и помощь опытных офицеров, а времени не было⁵. Политический престиж Думы и ее председателя все еще был высок среди офицеров Петроградского гарнизона. Мстиславский, опытный штабист, прекрасно понимал, что от того, удастся ли использовать этот престиж в интересах защиты революции, может зависеть успех восстания. Несмотря на все то, что впоследствии говорилось о слабости царского режима и его полной неспособности противостоять натиску народа, опытные революционеры в ночь с 27 на 28 февраля чувствовали, что им не обойтись без «буржуазной» оппозиции, хотя бы просто для того, чтобы выжить и избежать виселицы, не говоря уж об успехе восстания. Перелом настроений произошел позже, 3 марта, когда распространилась весть об отречении и страх возмездия уступил место торжеству победы, готовность пойти на компромисс с Либералами сменилась решимостью порвать с ними и вытеснить их из политической жизни. Пока маячила угроза военного подавления, Совет и Комитет Думы старались совместными усилиями привлечь гарнизон на свою сторону и превратить его в потенциальный оплот революции. Страх, что офицеры могут организовать сопротивление «новому порядку», был так же велик среди членов Думы, как и среди членов Исполнительного Комитета Совета. 1 марта новый комендант петроградского гарнизона Энгельгардт выпустил приказ, обращенный к офицерам, которые собирались «конфисковать оружие у солдат»: «Как председатель военной комиссии временного Комитета Государственной Думы я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров вплоть до расстрела

виновных». Даже знаменитый приказ № 1, сложную историю которого мы собираемся рассмотреть, не заходил так далеко и не угрожал офицерам расстрелом.

§ 3. Приказ № 1.

В Петрограде 1 марта распространился слух, что какие-то офицеры пытались разоружить солдат. Он не подтвердился ни расследованием военной комиссии Думы, ни какими-либо осязаемыми доказательствами со стороны Совета. В том, что слух этот все-таки был, нет ничего удивительного, если не упускать из памяти, что 27 и 28 февраля преобладающим чувством, которое испытывали и думские деятели, и революционные интеллигенты, и офицеры, и солдаты, были страх и неуверенность. Политические деятели, с одной стороны, боялись организованного подавления восстания, а с другой — полной анархии, в которую оно грозило вылиться. Офицеры были взбудоражены убийством нескольких их собратьев, говорили, что готовится повсеместное избиение офицеров. Это в значительной степени определило поведение Родзянко, что видно из его разговора с Рузским. Но боялись за свою жизнь и солдаты, им не очень верилось, что бунтовать во время войны — это такой уж великий патриотический подвиг. Они боялись наказания. Исполнительный Комитет Совета учитывал этот страх и принял меры, чтобы успокоить солдат. Во-первых, солдат, по одному от каждой роты, пригласили присоединиться к Совету. Во-вторых, Совет решил поставить условие, чтобы буржуазное правительство, сформированное Думой, из кого бы оно ни состояло, обязалось никуда не переводить петроградские части. Обе эти меры сыграли большую роль в дальнейшей деятельности Совета и послефевральских событиях.

Солдаты, однако, этим не удовлетворились, им хотелось официального заявления, что они ни в чем не виноваты. Им требовалась гарантия, что офицеры не воспользуются своей властью и не будут мстить за убитых товарищей, если солдаты снова им подчинятся. Исходившее от Энгельгардта предупреждение офицерам могло только усилить их подозрения. Вечером 1 марта в военную комиссию Думы пришли представители солдат и предложили издать приказ гарнизону, подписанный как Комитетом Думы, так и Советом. По-видимому, члены Комитета Думы приняли их плохо и отказались с ними разговаривать. Они ушли недовольные, бормоча, что если Комитет Думы не выпустит приказ, они сами его выпустят.

Ближе к ночи Суханов, вернувшийся в комнату № 13, где только что окончилось собрание Исполнительного Комитета, увидел, что Соколов, ставший чем-то вроде заведующего делами Совета, сидит за письменным столом.

Его со всех сторон облепили сидевшие, стоявшие и навалившиеся на стол солдаты, и не то диктовали, не то подсказывали Соколову то, что он писал. У меня в голове промелькнуло описание Толстого — как он в яснополянской школе вместе с ребятами сочинял рассказы.

Оказалось, что это работает комиссия, избранная Советом для составления солдатского «приказа». Никакого порядка и никакого обсуждения не было, говорили все — все совершенно поглощенные работой, формируя свое коллективное мнение безо всяких голосований... Я стоял и слушал, заинтересованный чрезвычайно... Окончив работу, поставили над листом заголовок: «Приказ № 1».

«Такова история этого документа, завоевавшего себе такую громкую славу», — заключает Суханов, стараясь создать идиллическую картину «демократии в действии». Впрочем, можно сомневаться, что текст Приказа № 1, в том виде, в каком он дошел до нас, был составлен именно в этих обстоятельствах. Не то чтобы вызывала сомнения сцена, описанная Сухановым, она запечатлена даже на фотографии, просто не сохранился оригинал написанного Соколовым текста. На память Соколова, в то время чрезвычайно утомленного и перегруженного тысячью дел, нельзя полагаться. Приказ так и не поставили на голосование, и Исполнительный Комитет как таковой ничего о нем не знал, пока его не опубликовали, хотя этот документ и появился за коллективной подписью. Сам Приказ опровергает предположение, что напечатанный текст тождествен коллективному черновику, о котором пишет Суханов. Напечатанный текст краток и строго придерживается сути дела, за исключением одной неуклюжей фразы, отражавшей, очевидно, разногласия авторов. Ни Соколов, ни солдаты не могли бы удержаться от неумеренности, типичной для революционного опьянения тех первых дней. Напечатанный же документ сух и сдержан, четкостью стиля напоминает Ленина. По имеющимся сведениям, в тот промежуток времени, который отделял составление Приказа в комнате № 13 Таврического дворца от его опубликования (той же ночью), оригинал несколько часов находился в типографии «Известий». Более тщательное рассмотрение истории этого документа может служить ключом к уяснению его происхождения. 27 февраля первый подумал о выпуске революционного воззвания Владимир Бонч-Бруевич⁶. Типографии в этот день бастовали и газеты не выходили. По

своей собственной инициативе Бонч-Бруевич занял типографию непритязательной ежедневной газетки «Копейка». Захватив типографию, он обратился к Временному Исполнительному Комитету Совета с предложением немедленно начать издание органа Комитета, «Известий», попросил обеспечить пайком рабочих и поставить около типографии вооруженную охрану. Исполнительный Комитет с готовностью согласился и приступил к выборам редакционной коллегии. Однако Бонч-Бруевич не имел ни малейшего желания уступать кому-нибудь контроль над газетой. 28 февраля, пока Исполнительный Комитет Совета обсуждал свои отношения с Комитетом Думы и возможность формирования нового правительства, Бонч-Бруевич напечатал, «не спросив, разумеется, ничьего разрешения», приложение к первому номеру «Известий», в котором появился манифест большевистской партии. «Задачей рабочего класса и революционной армии, — говорилось между прочим в манифесте, — является создание Временного революционного правительства, которое возглавит зарождающийся, новый республиканский строй». Манифест содержал все пункты большевистской программы (национализация земли, восьмичасовой рабочий день, созыв Учредительного собрания на основе четырехчленной формулы⁷) и призывал к «беспощадной борьбе».

Манифест совершенно не соответствовал настроением Исполнительного Комитета Совета, большинство членов которого считало революцию «буржуазной», а не пролетарской, и ставил под угрозу исход щекотливых переговоров между представителями Совета и Комитетом Думы. Хотя он и был подписан Центральным Комитетом большевистской партии, Исполнительный Комитет Совета никогда его публикации не санкционировал. Появление манифеста в официальном органе Совета вызвало, по словам Бонч-Бруевича, большое возмущение в Петроградском Совете, который нашел поведение Бонч-Бруевича недисциплинированным. Когда у Бонч-Бруевича потребовали объяснений, он вызывающе ответил, что не только опубликовал манифест в газете, но еще и отпечатал его в виде листовок и разослал по всей России.

Это, между прочим, — писал Бонч-Бруевич, — было мое первое прегрешение в «Известиях», за что в дальнейшем, при накоплении моих грехов, я подвергся публичному исповеданию и допросу папой меньшевистских ханжей, самим Церетели, и в конце концов, за свою большевистскую веру, был лишен редакторского мандата в «Известиях»⁸.

Факт опубликования большевистского манифеста проливает свет на деятельность Бонч-Бруевича в типографии «Известий» и помогает понять, как был

напечатан Приказ № 1. Бонч-Бруевич, как мы несколько раз имели возможность убедиться⁹, помогал революции расчетливо, решительно и незаметно. Именно он в 1905 году организовал подпольную большевистскую печать и переправку продукции в Россию; именно он заручился доверием Распутина и дал заключение о его предполагаемых связях с русским сектантством. Именно он, перед февральскими событиями, использовал знакомство с казачьими сектами Нового и Старого Израиля, чтобы убедить казаков не разгонять демонстрации, именно он, позднее, в 1917 году, спас Ленина от ареста во время неудавшегося июльского выступления. Когда Бонч-Бруевич 27 февраля захватил типографию и предложил печатать газету Петроградского Совета, то, конечно, не для того, чтобы поддерживать политическую линию, которую избрали «колеблющиеся и примиренцы», а для того, чтобы утвердить большевистскую точку зрения. Вот почему он не раздумывая напечатал манифест большевистской партии. «Это был лишь один из моих ранних грехов», — говорит Бонч-Бруевич. Может быть, опубликование Приказа № 1 было вторым? Может быть, коллективно составленный текст, который Н.Д.Соколов редактировал в описанной Сухановым «демократической» обстановке, Бонч-Бруевич заменил четким и крайне взрывчатым текстом, который дошел до нас? Критический разбор текста как будто позволяет двигаться в этом направлении. Когда «Правда» (орган Центрального Комитета большевистской партии) перепечатала манифест, она внесла в него небольшие исправления; была исправлена и редакция Приказа № 1, появившегося в «Правде» 7 марта. В тексте, опубликованном Бонч-Бруевичем в «Известиях» 1 марта, пункт 4 Приказа № 1 гласит: «Приказы военной комиссии Государственной Думы должны выполняться за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и решениям Совета рабочих и солдатских депутатов». «Правда», воспроизводя этот документ через пять дней, переделала этот пункт следующим образом: «Приказы военной комиссии Государственной Думы должны выполняться только тогда, когда они не противоречат приказам и решениям Совета рабочих и солдатских депутатов». Разница в значении, быть может, и невелика, но перенос ударения чрезвычайно важен. В первой версии приказы, исходящие от военной комиссии Думы, считались обязательными, если против них не возражал Совет, а по версии «Правды» каждая часть должна была проверить, соответствуют ли приказы Думы политической линии Совета. Было ли исправление в «Правде» изменением внесенным авторами? Была ли более мягкая редакция, появившаяся в «Известиях», продиктована боязнью Бонч-Бруевича зайти слишком далеко в обострении отношений между Комитетом Думы и Советом? Во всяком случае, мы видим, что большевики считали текст Приказа № 1

вопросом их непосредственно касающимся и относились к нему так же, как они относились к своим партийным документам.

Приказ № 1, адресованный петроградскому гарнизону, предусматривал, что 1) немедленно должны быть учреждены комитеты «из выборных представителей от нижних чинов» «во всех ротах, батальонах, полках...» разного рода военных управлениях и на судах военного флота; 2) они должны послать депутатов в Петроградский Совет, по одному от роты; 3) политически гарнизон должен подчиняться Совету; 4) решения Совета преобладают над параллельными приказами военной комиссии Думы; 5) оружие должно храниться в солдатских комитетах и ни в коем случае не выдаваться офицерам; 6) солдаты могут пользоваться всеми гражданскими свободами, предоставляемыми русским гражданам революцией, и не должны отдавать честь командирам вне службы; 7) солдаты не должны терпеть грубого обращения командного состава, не должны титуловать командиров, запрещается обращаться к солдату на «ты», а надо обращаться в вежливой форме, на «вы».

Приказ № 1 был осужден всеми военными властями досоветской русской армии как самый пагубный и развращающий документ, положивший начало разложению русской армии в 1917 году. С другой стороны, Петроградский Совет, который и не составлял Приказа, и не голосовал за него, принял Приказ как выражение своей линии и отстаивал его во все время существования Временного правительства¹⁰. Несмотря на давление со стороны членов новорожденного Временного правительства, представители Совета решительно отказывались отменить Приказ. Верно, что в последовавшем затем Приказе № 2 они указали, что Приказ № 1 относится только к петроградскому гарнизону, а не к действующей армии. Но эта оговорка имела мало значения. Подобно манифесту большевистской партии, Приказ № 1 был отпечатан в бесчисленном количестве экземпляров и распространен по всей стране. Он служил образцом политических требований, которые солдаты стали предъявлять своим командирам на фронте и в тыловых гарнизонах. Во многих местах Приказ появился за подписью военного министра временного правительства Гучкова, увеличивая таким образом замешательство в умах людей, которые его читали, и служа внушительным орудием большевистской пропаганды.

Но если публикация Приказа № 1 была неправомерна и те, кто напечатал его в «Известиях», злоупотребили властью Совета, то почему никто в Совете его не опротестовал? Во всяком случае, Бонч-Бруевич, или тот, кто вместе с ним выпустил этот чрезвычайно важный документ, ловко воспользовался слабостью думского Комитета и податливостью исполнительного Комитета Совета. Приказ № 1 не мог не

понравиться солдатам петроградского гарнизона, которые еще не пришли в себя после мятежа 27 февраля. Отмени Совет этот Приказ сразу после публикации — и он потерял бы влияние на гарнизон, т.е. единственную реальную силу, на которую можно было опереться в случае конфликта с новой администрацией, создаваемой Временным Комитетом Думы. Разумеется, Совет не мог пойти на такой риск, хотя в некоторых деталях Приказ № 1 заходил много дальше того, что умеренные члены Совета считали разумным. Если бы Совет отменил Приказ под давлением Гучкова или вообще Думы, он совершенно потерял бы престиж. Так что этот документ остался одним из самых ранних образцов советской политики и с успехом был использован большевиками для разложения армии, даже после того, как военные власти, в надежде выбить почву из-под ног крайних агитаторов, сами стали создавать Советы.

Если Приказ № 1, несмотря на его более чем подозрительное происхождение, не сходил с повестки дня, то это показывает, что для деятелей Совета он, хоть и невольно, но кстати, оказался подспорьем в борьбе за солдатские массы, которую они вели с думским Комитетом. Позднее сохранение Приказа и защита его стали вопросом престижа Дня Совета и неизгладимым признаком слабости Временного правительства. В этом заключается главное политическое значение Приказа № 1. По сравнению с этим влияние на моральное состояние армии имеет лишь второстепенное значение. Даже без Приказа большевики, во всяком случае по возвращении Ленина, принялись бы за пораженческую пропаганду и агитацию за немедленный мир. Издав Приказ № 1 и впутав Авторитет Петроградского Совета, большевики, вероятно, с помощью Бонч-Бруевича и того, кто ему содействовал, сумели создать конфликт между Советом и Временным правительством, который ничто, даже образование буржуазно-социалистических коалиций, никогда не смогло разрешить.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 13

¹ См. «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 27 августа 1917 года.

² «Когда собрание было открыто, присутствовало около 250 человек, но непрерывно подходили все новые группы с неизвестно какими мандатами или намерениями, и неизвестно кем уполномоченные», — пишет Суханов. См.: Суханов, ук. соч. (прим. 14 к гл. 10), том I, стр. 127 и далее.

Это подтверждает Зензинов. См.: Зензинов, ук. соч. (прим. 15 к гл. 10).

³ Футрелл, ук. соч. (прим. 27 к гл. 5), стр. 110.

Александрович был расстрелян в июле 1918 года как участник «эсеровского мятежа».

⁴ Мстиславский-Масловский, ук. соч. (прим. 3 к Введению), стр. 29 и далее.

⁵ Это было ясно понято многими революционерами, включая Суханова, наблюдавшими сцены на улицах. «Международный меньшевик» О.А. Ерманский писал позднее в своих мемуарах («Из пережитого. 1887-1921». Москва-Ленинград, 1927, стр. 147) о 27 февраля: «Солдаты вышли на улицы без офицеров — ни одного не было видно. Отсутствие офицеров заметно отражалось на поведении солдат: они словно перестали быть солдатами и стали обыкновенными горожанами. Но для благоприятного хода революции необходимо было, чтобы солдаты примкнули к ней именно как организованная вооруженная сила».

⁶ В.Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1930.

⁷ Так называемая «четырёххвостка», т. е. прямое, равное, тайное и всеобщее голосование.

⁸ См.: Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 13.

См. также: «Революционное движение в России после свержения самодержавия», М., 1957. Этот том издан АН СССР в серии «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы». Манифест воспроизводится на стр. 3. Однако этот текст взят из «Правды» от 5 марта и несколько отличается от текста, напечатанного «Известиями». В «Правде» утверждается, что манифест появился 26 февраля. Это, разумеется, нелепость, потому что в манифесте о восстании гарнизона говорится как о совершившемся факте, а восстание произошло 27-го.

В журнале «Вопросы истории КПСС» (№ 6, 1964) сообщается, что найдена листовка с манифестом и что эта листовка, по мнению авторов, была напечатана вечером 27 февраля независимо от «Известий». Авторы считают, что манифест был составлен Выборгским комитетом большевиков. Это доказывает только то, что манифест был плодом партийного творчества и не отражал позиции Исполнительного Комитета Петроградского Совета.

⁹ См. выше гл. 8, § 7 и гл. 10, § 3.

¹⁰ Головин, ук. соч. (прим. 13 к гл. 3), стр. 113 и далее. «Известия» от 27 августа 1917 года.